

Макс АКИНЬШИН

ОЛЬКА

пароль: рыбка-гуппи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Макс АКИНЬШИН

Олька

«Автор»

2026

Акинъшин М.

Олька / М. Акинъшин — «Автор», 2026

Каждую секунду жизнь требует твоего решения, словно играет с тобой в дурацкую «угадай-где», протягивая кулаки в одном из которых зажата монетка. И ты протягиваешь руку, боясь ошибиться, ведь в этой жизни все шансы отличны от нуля. А потом оказываешься там, где совсем не хотела: в «Зарядье» со сломанным супинатором, в маленькой рыбацкой деревушке на севере Италии, в старых часовых мастерских, у которых недовольно шумит автомобильный мост, в морге ракового корпуса Обнинска или под мостом Блекфрайерс среди бездомных. И все потому, что оба кулака пусты, а вокруг мерзавцы и святые, одинаково совершающие добрые дела. Как тут разобраться? Тебя несет по течению, хотя ты считаешь, что сама решаешь свою судьбу. Пытаешься решать, потому что у будущего на все высокий прайс. На любовь, на счастье, на смерть. Ты выбираешь, пока жизнь не заводит тебя в тупик. В тот самый глухой угол, из которого надо постараться выбраться. В котором один шанс на миллион, значит много шансов не успеть ничего.

© Акинъшин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девяносто шесть шестьдесят	5
Глава 2. Pîege a miel du KGB	12
3. Добрые дела последних мерзавцев	18
4. Вечер трудного дня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Олька

Пароль: рыбка-гуппи

Глеб

*С благодарностью к Языкову М.В. за
рассказанную историю, которую я
тщательно переврал*

М.А.

*Все мы немного мерзавцы, все мы
немного святые*

М.А.

Глава 1. Девяносто шесть шестьдесят

– С вас сто четыре рубля.

– А сколько стоит кефир? – у нее было всего сто. Она все рассчитала до копейки. Если сложить все покупки, должно было выйти девяносто шесть шестьдесят. При этом домой придется шлепать пешком, хорошо еще что недалеко. Всего семь кварталов, затем поворот в проулок, между старыми кирпичными стойками ворот по тропинке с разросшимися вдоль нее люпинами. С бензиновой гари улиц в сахарный запах цветущих растений. Герметичный двор со старой, почти сгнившей беседкой под липами. Странное место практически в самом центре города.

– Семьдесят пять, – рябая кассирша недовольно подняла голову. За Олькой собралась очередь, остальные кассы, как назло, были закрыты.

– Там на ценнике шестьдесят семь со скидкой.

– Забыли поменять, – равнодушно бросила та, дежурный ответ на все вопросы покупателей. В магазине было душно, дрянная экономия на кондиционерах, когда воображаешь, что пара атомов холодного воздуха слишком дорого стоят. Хотелось взять холодный пакет молока из витрины и прижать ко лбу. Но на это не было денег. Олька чувствовала нарастающее раздражение очереди. Кто-то гневно зашипел себе под нос. Кассирша пристально смотрела на нее. Уставшая и потная. Серые линиялые глаза, в которых переливалось безразличие.

С вас сто четыре рубля, только где их взять? Стоявший за Олькой парень с двумя банками энергетика и чипсами, своим билетом к инфаркту, повернул к ней голову и внимательно осмотрел. С ног до головы. Она уловила движение боковым зрением.

Ну и что? Что ты видишь?

Сумочка Майкл Корс, туфли Маноло Бланик, строгая юбка карандаш, белая блузка – девочка из офиса по соседству, секретарша из телефоне? Не угадал. Что еще? Бухгалтерия? Банк? Неправильно. Вряд ли он сообразит, чем она занимается. Мир сложен, устроен дурачки, чтобы существовать в нем, необходимо разбираться в тысячах понятий. Что можно увидеть?

Ничего. Одежду, сумку и туфли. Внешнюю оболочку, фальшивую как Бланик за пару тысяч с уже успевшим треснуть супинатором. Сто рублей – бутылка кефира и булочка. Дома еще пятнадцать тысяч, но это оплата за квартиру, иначе хозяйка выставит на улицу и все станет совсем плохо. Выставит из обшарпанной, с темным паркетом и запахом старых вещей, но почему-то уютной квартиры. Идти ей некуда.

– Там на ценнике шестьдесят семь.

– Вы будете брать или нет? Я уже чек открыла, – запаренная кассирша ерзала на стуле, а потом громко взвыла, – Алишееер! Ключ!

– Девушка, вы издеваетесь? – тихо произнес рассматривающий ее парень, за ним кто-то возмущенно застонал, будто эти тридцать секунд были вопросом жизни и смерти.

– У меня не хватает, – Олька еще не придумала, устроить истерику или просто молча покраснеть.

– Сколько?

– Четыре рубля, – стараясь смотреть спокойно, она повернула к нему голову. Младше нее, лохматый, небритый в темной кожаной куртке, на которой проступали белесые затертые пятна. Уловив отчаяние в ее глазах, он сунул руку в неудобный карман узких джинсов и высыпал на тарелку у кассы горсть мелочи. Монеты звякнули о пластик, одна соскочила и упала вниз. Вынужденная милостыня от незнакомца, плата за время. За время Ольке платили всегда.

– Спасибо, – выдавила она, забрала покупки и покачивая бедрами отправилась к выходу.

– Не за что, – кинул он ей в спину. Она точно знала, на что он смотрит сейчас. Он смотрит на ее зад, туго обтянутый юбкой.

Вид ему понравится без сомнений. Олька это тоже знала. Перехватив пакет с булочкой в левую руку, она вышла на улицу. Толкнув тугую пластиковую дверь. Из магазинной духоты на уличную. Белая блузка, юбка карандаш, сумочка - хотя в джинсах и майке, конечно, удобнее. Только нельзя. На встречи надо ходить только так. Или искать места, где можно переодеться.

Ужин в ресторане, немного алкоголя, а потом постель в соседней гостинице. Сегодня это расписание было нарушено, потому что у друга образовались дела. Москва – город стремительный. Беззастенчиво рушащий планы. Даже самые продуманные. В основном Олькины.

Минус пять тысяч за встречу и ноль в кошельке. Почти ноль. Она не спеша шагала к дому, сумочка покачивалась на сгибе руки. В ней лежала пара пачек презервативов, пластинка «Постинора», зубная щетка, косметика, влажные салфетки для интимной гигиены, перцовый баллончик. Все, что было нужно для работы. Той, которой сегодня уже не было. В джинсах удобнее, но их не наденешь. Как и кроссовки. Приходилось надевать шпильки, от которых к концу дня отваливались ноги.

Небо над Олькой наливалась серым, обещая близкий дождь. От асфальта парило, как от закипающего чайника. Жар проникал сквозь тонкую подошву к отекившим ступням. Сегодня все сорвалось. Может завтра? С этой мыслью надо было прожить до следующего друга. Немного подождать и пытаться не разрыдаться. На сайте семь просмотров и ни одного сообщения. Слишком много желающих заработать. Если так продолжится, придется распечатать свой крайний запас. Последние деньги на самый безнадежный случай.

Когда оно наступит это завтра? Олька вздохнула и перед тем, как повернуть в проулок привычно бросила взгляд на рыжий обломок Москва-Сити, еле видневшийся над крышами. Слишком далеко. Дальше, чем космос. На землю упали первые капли дождя.

– Прогуливаетесь, Ольга Владимировна? – довольный Димочка торчал в окне своей конуры, рядом с ним сидел котик Кися-Пися, бывший предметом ненависти сварливого алкаша сверху, периодически вляпывавшегося в Писины подарки на коврике у двери. Коварный кот проделывал все дела и прыскал вниз по лестнице до того момента, пока карауливший под дверьми дядь Жень успевал открыть ее и жахнуть в пустоте ногой. Худой и жилистой ногой, с которой обязательно слетал домашний тапок, на ультразвуке уходивший в вечно распахнутое подъездное окно. Наблюдавшая за их поединками в глазок Олька корчилась от беззвучного хохота.

– Пидарас!! – орал дядь Жень неизвестно кого имея ввиду: то ли Димочку, то ли его питомца.

– Пидарас!! – выл он на площадке первого этажа, ломясь в наглухо закрытые соседские двери. Димочка никогда не открывал. Огорченный противник, недолго потолкавшись у двери в носке и тапке, уходил к себе. Пить и слушать Цоя на полную громкость.

– Мой чемоданчик, набитый планом,

Он предназначен для наркомана
Он предназначен для планокуров
Он предназначен блядям и шкурам...

Сейчас в дворе было тихо, а окна второго этажа темны – дядь Жень еще не вернулся со смены в депо.

– В магазин ходила, – улыбнувшись, ответила Олька, холодная капля неприятно упала за ворот блузки.

Димочка кивнул, бросил взгляд в беременное дождем небо засуетился и, согнав кота с подоконника, закрыл окно.

Поднявшись на второй этаж, Олька со стоном скинула туфли. Боже, как хорошо! Над крышей громыхнуло, зашуршал дождь. Бросив пакет с покупками на кухне, она переделалась в прохладной тишине квартиры. Последовательно сняв блузку, лифчик, тонкую лайкру чулок. Покачивая бедрами, чтобы скинуть узкую юбку. Переделалась в единственную свою дорогую вещь – пижаму. Прохладный шелк щекотал соски. Приятное ощущение, безо всякого возбуждения. Одна. Сегодня она одна.

Олька любила грозу. Придвигала к распахнутому настежь окну старенькое, пожившее кресло. Усаживалась в нем, свернувшись калачиком словно кошка, пила чай и слушала, как дождь недовольно барабанит по отливу.

Желтые от старости занавески полоскали, вздуваясь упругими волнами под напором густого пахнущего дворовой зеленью ветра. С улицы на нее смотрели слепые кое-как забитые досками окна соседского дома. Тот намеревались снести еще пару лет назад, но дело как-то застопорилось в бумажных бюрократических плотинах. Затор никак не хотел прорываться и дом в ожидании собственной смерти хохлился за деревьями. Крупные капли вспыхивали стеклянными брызгами на его кровле, а потом сбегали бесконечными потоками.

Четыре часа дня? Или пять? Разницы никакой. Выбраться под дождь теперь не было ни малейшей необходимости. Ни сегодня, ни завтра. Хотя завтра надо было начинать собираться. Вагит купил билеты. Уже звонил раза три. Спрашивал – не передумала ли. Собираться было лениво, но на карте оставалось еще сто долларов. Неприкосновенный запас. А это по текущему курсу... По текущему курсу... Сколько это по текущему курсу?

На неделю, трезво подсказал разум. Были мысли ответить, что приехали месячные, и она не сможет. Не сможет, а потом все: тот найдет еще кого-нибудь, без заморочек. Сладкую нежную девочку. Помоложе. Под ложечкой что-то сжалось, как при испуге. Сто долларов слишком мало, чтобы дотянуть до следующего друга.

В небе громыхнуло железом о железо. Грузно с отяжкой прокатилось по мокрым деревьям во дворе, влетело в комнату с брызгами дождя.

«Дрянная девчонка», – выругалась гроза голосом Вагита. Нет-нет, она так не поступит. Билеты на семнадцатое. А нужны еще пара купальников, старые уже совсем расплзлись от воды из бассейнов. Синий так вообще пошел нитками, торчавшими из швов. Два купальника это долларов двадцать пять. Может, удастся заработать до семнадцатого? Парео, пара маленьких дранных шорт. Из тех, что намеренно демонстрируют, что под ними. Загар на ее кожу ложился хорошо, так что зрелище будет восхитительным. Бесплатное приложение к оплаченному времени. Взамен она попросит купить пару украшений и часики, обычно друзья не жмотились сверх гонорара. Она усмехнулась.

«Дрянная девчонка», – повторила гроза. Дождь усилился, размывая фрагменты мыслей. Вагит любил быть сверху. Тяжко наваливался на нее и пыхтел как еж. Ей было щекотно, особогу удовольствия от встреч она не испытывала. Но старательно отработывала полученные деньги: постанывала, прикусывая губу, корчилась от удовольствия, а потом опадала тяжело вздыхая. Вагит ее игру принимал за чистую монету.

В отличие от других, он был относительно щедрым. Однажды даже приволок ворох роз, совершенно отвратительного цвета: желтых. Дурацкие цветы три недели торчали в старой хозяйской вазе пока не засохли. Ее подмывало их выбросить, но банковская карта останавли-вала. Вдруг придется пригласить его домой? Фальшивый знак фальшивых чувств. Деньги про-тив любви. Он может заметить. Несмотря на то, что она никогда не встречалась с друзьями дома. Но мало ли? Москва всегда рушила планы. Даже самые продуманные.

Сто долларов по текущему курсу — это крайне мало. Денег всегда меньше, чем хочется. Ниже той отметки, за которой блаженная уверенность в завтра. Крайне мало, в обрез, совсем ничего – самое неопределенное постоянство. Она щелкнула зажигалкой и закурила. Сегодня ее ни для кого нет. Поэтому можно курить, что при друзьях она не делала никогда. Запах изо рта должен быть всегда свежим. Один из телефонов звякнул. Пришло сообщение. Олька даже не шевельнулась, звук был не тот. Это не с сайта. Там установлен сладкий звук – шелест купюр, тот самый от которого немного обмирало сердце. Это кто-то из знакомых девчонок. Скорей всего Крис. Рабочий телефон молчал.

Если все так пойдет и дальше, надо будет что-то предпринять. Может быть, даже сняться в порно, как предлагала Кристина.

– Я тут знаю человечков. Платят две тысячи за шесть часов. Не, ну ты представляешь? – подружка курила тонкую ментоловую сигаретку, казавшуюся спичкой в накаченных силиконом губах. – За группу и анал плюс двадцать процентов. Порошок и алкоголь бесплатно. Ну, в разумных пределах, иначе не сможешь работать. Ищут красивых девочек.

Человечки за две тысячи долларов. Кокаин Олька не употребляла, а в порно сниматься не хотела. Слишком большой риск, что кто-то увидит. Хотя деньги, по ее мнению, были немалые. Чай почти остыл. Лужи во дворе кипели от падающих капель. Надо было что-то придумать до семнадцатого. Попросить у Вагита аванс? Нет. Не даст. Даже в этом деле, в удовольствиях он был коммерсантом. Выкружить, кинуть, потянуть с оплатой. Она задумчиво провела ладонью по рукаву пижамы, гладкая прохладная ткань, приятные ощущения. Телефон опять звякнул. Подниматься с кресла и идти через всю комнату к нему, лежавшему на старом комод, было лениво. Сейчас ее ни для кого нет.

Ситуация складывалась не особо хорошая. Конечно, она дотянет до отлета. Съездит, заработает свои семь сотен. А что потом? Друзей из месяца в месяц становилось все меньше. Ей уже не двадцать. Да и в двадцать шансы заработать небольшие. Конкуренция была высока. Предложение намного опережало спрос. Студентки так вообще снимались за еду. Нужна была реклама, а реклама Ольке как раз таки была не нужна. Инди – опасное и неприятное по боль-шей части занятие. Привлечешь к себе внимание и все: дальше либо работаешь под котом, либо попадаешь в неприятности. Тогда придется с многим распрощаться. Прежде всего, с пра-вом выбора – своей единственной ценностью. Друзей она всегда выбирала сама.

Олька стряхнула столбик пепла на отлив. Дождь тут же размыл его без остатка, раство-рил и снес непрерывным потоком воды вниз. Чтобы как-то отвлечься она взяла с подокон-ника глянцевого журнал с загнутыми от времени уголками страниц. Прошлогодний номер из тех бесплатных доказательств веры. Веры в красивую жизнь. Немного простых откровений и молитв: в салонах красоты, пахнущих антисептиком тренажерках и бутиках. Нишевых храмов богов всех богинь: Хаус оф Силладж, Лоро Пьяна, Джимми Чу и паленного Эрмес.

Три тренда осени маст хэв. На обложке тюнингованная девушка сидела в тюнингованном кабриолете и улыбалась. На бумаге лежали брызги воды. Сделать себе губы, по приезду? Как у Кристины? Олька поморщилась. Друзей это вряд ли принесет. Таких предложений много. Почти все. Одинаковые пластиковые фото, демонстрирующие все достоинства разом. У кого-то более профессиональные, но в большей своей массе одинаковые: грудь, плоский животик, бедра, ноги и полоска белых зубов между пухлых губ. Иначе не продашься.

Может совсем завязать? Устроится продавщицей и кое-как сводить концы с концами. Найти какого-нибудь бедолагу, и всю жизнь тянуть с ним лямку на съемной квартире. Родить ему ребенка или двух. Влезть в ипотеку, взять машину в кредит. Коммуналка, садики, пеленки, сопли, поликлиники, гладка, кухня. Ни одно из этих понятий Ольке не нравилось. Ссоры с мужем за каждую копейку. Сплошные заморочки и обязательства. А рядом будут пролетать блестящие шансы. Шансы на иную жизнь. В этом случае придется остановиться в миллиметре от счастья. В паре мгновений от совпадения лотерейных номеров. Стоило оно того? Олька не знала.

Она погладила страницу журнала стирая капли дождя, а потом приподнялась в кресле, опершись локтями на подоконник. С неба падала стена воды. Олька затянулась и медленно выпустила дым, наблюдая появившегося во дворе дядь Женю. Тот покачивался у сиреневого куста, наводясь на подъездную дверь. Захватив цель, по синусоидальной траектории пошлепал по лужам. Час назад начались двое суток законного отдыха, ни минуты из которых упустить было нельзя ни в коем случае. Эти дядьженины двое суток всегда состояли из сплошных удовольствий. Предусмотрительно нахлобучив с коллегами пару мерзавчиков у проходной метровского депо, он прибыл к месту жительства уже в полужидком состоянии. В том самом состоянии, после которого непременно следовала вторая часть. Самая громкая. Не дойдя пары шагов до подъезда, сосед задрал счастливое лицо, с которого стекали капли к Ольке. Редкие волосы намокли и липли к черепу. Дождь яростно барабанил по ним.

– Привет, красавица! Как жизнь?

– Нормально, дядь Жень. Бьет ключом, – Олька щелчком отбросила окурков и разогнала рукой дым, плывущий в водяной взвеси.

– Бьет ключом и по яйцам? – хохотнул тот и покачнулся. В синей матерчатой сумочке, которую он упорно носил вместо пакетов из магазина, звякнуло.

– Как обычно.

– Замуж тебе надо

– За кого? За тебя, дядь Жень?

– Да хоть бы за меня, – ответил собеседник и предложил, чуть приподняв мокрую сумку, с которой капало, – Будешь?

– Нет настроения, – телефон за спиной опять звякнул: кто-то очень упорный, которому срочно что-то надо.

– Как знаешь, – дядь Жень пожал плечами и пошлепал в подъезд. Олька чуть высунулась из окна чтобы не пропустить обязательную часть – громовой стук в дверь Димочки и оглушительный вопрос:

– Пидарасы! Вы дома?

Сегодня сосед был в хорошем расположении духа, его ожидали два дня полного счастья и Цой. Удовлетворившись пристыженным молчанием противников дядь Жень, поднялся к себе. Поднялся, чтобы обнаружить Писины подарки, наделанные котом за время его отсутствия. Под глухой неостановимый поток мата, Олька выползла из кресла и взяла телефон. Кто там такой нетерпеливый?

«Привет! Что делаешь? Не занята на завтра?»

«Ольк! Что молчишь? Можно позвонить?»

«Не можешь говорить? Есть заказ. На завтра в шесть».

Кристина была в сети десять минут назад. Вот он, очередной шанс.

Возможность.

Ее завтра.

Олька задумалась. Кем она представится на этот раз? Фрилансером? Дизайнером? Быть инди нелегко – каждый раз выдавая себя за другого. Два телефона, две жизни отделенные друг от друга. Тень и свет. Ложь, правда и еще шансы, шансы, шансы. Вероятности, неопределен-

ности. В старом зеркале с темными пятнами осыпавшейся амальгамы и желтой выгоревшей окантовкой отражалась черная шелковая пижама. Самый дорогой предмет гардероба. Ее наивный фетиш, купленный черти когда, за бешеные деньги. Олька выпятила грудь и, поднявшись на цыпочки повертелась. Десять из десяти. На площадке хлопнула дверь дядь Женя, наконец, зашел в квартиру. Подмигнув своему отражению, она открыла телефон и написала:

«Привет! На завтра никаких планов. А что за заказ?»

Они никогда не звонили друг-другу, не предупредив. Ни при каких обстоятельствах. Одно из неперемных условий, которое никогда не нарушалось. Вдруг подруга была занята? Клиенты не любили шума и разговоров, это не входило в оплаченное время. Телефон звякнул.

«Звоню?»

«Да»

На экране тут же высветился входящий вызов. Плюхнувшись на кровать Олька, нажала ответить.

– Привет, Ольк! – голос у Кристины томный, бархатный, сладкий как патока.

– Привет.

– Слушай, там трое командировочных с севера. Хотят двух девушек. Отель «Файв Сизонс» в шесть.

– Файв Сизонс? – удивленно уточнила Олька, глядя в потолок, – ты же понимаешь, что нам туда не попасть. У них своя схема с охраной. Можно такой гемморрой заработать, на ровном месте! Крис, это правила игры.

– Точно! Как же я забыла правила, Ольк! Целоваться только не в губы и дружить с охраной, – хихикнула собеседница. – Платят шестьсот на двоих, нехило, правда? Говорят, с местными сами утрясут.

Утрясут они, ага. Олька прикусила губу, в «Файв Сизонс» индивидуалки были под строгим запретом. Который неукоснительно соблюдался. А все потому, что девушек отель поставлял сам, имея неплохой побочный доход. Конкуренция им была совсем не нужна, да и лишний шум тоже. На свидание в подобном месте осторожная инди никогда не согласилась бы.

– Триста за ночь? – на всякий случай уточнила Олька.

– Вечер. Три-четыре часа. Ты что боишься?

– А кто друзья?

– Одного я знаю. Встречалась пару раз. Никаких проблем, – в трубке зашумела вода. – Нормальный абсолютно, даже симпатичный.

– Что там у тебя? – Олька по-прежнему задумчиво разглядывала потолок. В углу серела паутина.

– Да посуду мою, что-то накопилось, блядь. Мой наел и бросил, где сидел. Хожу теперь собираю по всей квартире. Еще носки свои разбросал и свалил. Мудак.

– Извращенец?

– Мой?

– Да нет же, – Олька улыбнулась, – Друг из «Файв Сизонс»

– Не ссы ты, обычный друг. На первый взгляд даже приподнятый. С деньгами у него все нормально. Котлы, ты бы видела! Золото, прикинь?

– Не-не, ты мне скажи, извращенец, нет? Деньги хорошие. Что хотят?

– Обычный заказ без историй, – голос Кристины глухо доносился из трубки. Видимо она прижала ее к плечу. – Без straponов, если ты это имеешь в виду.

У Крис все было так. Обычно, без straponов, без проблем, без историй. А потом приходится выпутываться из очень странных дел.

Вроде того случая, когда они работали вдвоем у одного испуганного женатика. В самый неподходящий момент хлипкая дверь в номер сломалась пополам и в нее залетела бойкая дама.

– Вввадик!!! – завопила она, истерически выделяя первую букву. Вид у пришелицы был такой, что сейчас ее хватит удар. Лицо перекошилось, пошло слоями морщин, густо накрашенные глаза повывлезали из орбит. Олька беспомощно попыталась прикрыть наготу ладонями.

– Вввадик!!! – повторила тетка, разглядывая трио. Женатик принял вид раздавленного грузовиком петушка, прикрыл глаза впад в кому.

Сидевшая на Вадике Крис наклонилась к нему и потрепала за щеку.

– Вадик это тебя.

– Кого тебя, шалава? – несвязно взвилась тетка, – это мой муж!

– Вадик, к тебе какой-то крокодил, – спокойно сообщила неверному супругу Кристина, а потом, оглядев пришелицу с ног до головы, добавила. – Усатый.

– Кто?! – квакнула та, пальцы у нее угрожающе скрючились, – А ну слезь с него, гонорея!

– Ой, да прямо там. Сама ты - гонорея старая, – рассудительно сказала Крис. – Зачем ругаешься, тетя?

Прохрипев что-то невразумительное, энергичная дама полезла в драку. Свалив замершую Ольку точным ударом справа, она попыталась вцепиться в волосы говорливой соперницы. И тут же получила сокрушительный ответ припасенным для Вадика straponом. Олькина подружка подхватила с постели всю сбрую и бескомпромиссно врезала вломившейся в номер конкурентке. Раздался мощный шлепок. Тетка ойкнула и с грохотом приземлилась на пол, задев по пути телевизор, стаканы, телефон и прочую гостиничную обстановку.

Припомнив, как они метались по номеру собирая вещи, то и дело натыкаясь на поверженную тетку, под глазом у которой наливался темным синяк, Олька хихикнула. Выбраться тогда оказалось непросто, лифт, как назло, останавливался два раза. Но каждый раз вызвавшие его постояльцы осторожничали, замирая от вида двух полуголых девушек, у одной из которых была разбита губа. Судорожно застегивающих блузки и еле сдерживающих смех. Они успели кое-как одеться и выскочить из гостиницы, пока их разыскивала нерасторопная охрана, а потом долго лечили нервы у Ольки дома.

Кстати, где-то на кухне оставалась та самая недопитая бутылка коньяка. Дрянного пойла купленного у таксиста. Дождь все никак не хотел прекращаться, шуршал за стенами, бился глумлой птицей в окно, шумел на листьях деревьев.

– Ну, так что?

– Хорошо, Крис. Где встречаемся?

– У входа в полшестого, – подружка хохотнула двусмысленности и повторила для лучшего понимания, – у входа в полшестого, прикинь, как звучит?

– Угу, – ответила Олька, думая о недопитой бутылке. – До встречи.

– Пока.

За дверью гроыхнуло «Кино», дядь Жень откупорил запас из матерчатой сумочки:

– Дождь идет с утра, будет, был и есть,

И карман мой пуст, на часах шесть.

Папирос нет и огня нет,

И в огне знакомом не горит свет.

«И карман мой пуст», – мысленно повторила Олька и, вздохнув, отложила телефон. Ей захотелось коньяка. И еще нужно было побрить ноги.

– Время есть, а денег нет

И в гости некуда пойти.

Она встала с кровати и, пританцовывая, направилась на кухню. Что будет завтра? Еще один шанс? За стеной вечер кутался в мокрые одежды дождя. Завтра у нее будет еще один шанс, который, может быть, все, наконец, поломает. Шанс для Ольки.

Глава 2. Pilege a miel du KGB

Идти было совсем близко. Олька звякнула ключами кольцом на указательном пальце, хлопнула дверью и пошлепала вниз. Десять окрашенных коричневой краской ступенек, поворот, потом две, сиамскими близнецами лепившиеся к основному пролету, площадка между этажами, а потом еще десять вниз.

Утренний свет падал через открытую подъездную дверь. От вчерашнего дождя осталось пара луж, медленно умирающих на сухой земле. Еще немного и они тоже исчезнут. Впитаются в грязную почву, оставив темные пятна. На пороге умывался Кися Пися презрительно оглядевший спустившуюся Ольку.

– Кис-кис, – позвала та. В ответ кот развернулся и, мелькнув розовым колбасным пятном под хвостом, исчез в кустах.

Первый этаж, темная дверь, затянутая старым дерматином. Хозяйкина. Сегодня надо было платить за квартиру. Те самые отложенные пятнадцать тысяч – удивительно мизерную по меркам дорогой Москвы цену. Пятнадцать тысяч - один шанс из миллиона. Вся Олькина жизнь состояла из шансов. И эти деньги, неизвестно по каким соображениям назначенные Аллой Матвеевной, были одним из них. Одной из ничтожно малых вероятностей, которые позволяли нерасторопной Ольке сводить концы с концами. Может быть, в этом и была заключена ее удача? Хотя Димочка, снимавший у старушки квартиру напротив, тоже платил пятнадцать. В этом было не разобраться.

При всей этой радости, единственным условием было вносить платеж строго в оговоренные сроки ни раньше, ни позже. Сама хозяйка – седая, сухощавая, большими серыми совсем не старыми глазами, тонким носом с горбинкой – мелкими штрихами, оставшимися от былой красоты, казалась ей странной. Ладно еще, позже, но почему нельзя раньше? Спросить у Аллы Матвеевны Ольга стеснялась.

Про ту ходили разные слухи. В основном передаваемые черными риэлтерами тихим шепотом друг другу. Дом, который в запутанной географии Замоскворечья числился номером сорок один в Малом Строченовском проезде, был для них лакомым куском и проклятым местом одновременно.

В конце девяностых два отчаянных брата по фамилии: Колбая, долго уговаривали Аллу Матвеевну перебраться в специально купленный для нее домик во Владимирской области. И в один из морозных солнечных дней даже заехали за ней, чтобы отвезти, по новому месту жительства. Старший Мамука галантно открыл дверь машины, а младший – Карл продемонстрировал пачку купюр: подъемные для обустройства на новом месте. Домой Алла Матвеевна вернулась к вечеру и пешком, а братья пропали.

Случайные грибники нашли их только через пять лет. В черепе у каждого, в том месте, где у живого человека располагается затылок, было круглое отверстие, точно подходящее под калибр семь шестьдесят две. Пуля, чудом обнаруженная в стволе дерева, росшего перед машиной, не показала ровным счетом ничего. Кроме того факта, что была выпущена из пистолета Тульский Токарев, закрепленного за запасником музея Революции еще в восьмидесятые. Обчищенные насухо братья, тихо сидевшие в автомобиле марки Ауди, доставили двухмесячный геморрой местной следственной группе, метавшейся от одной версии к другой, пока дело не было благополучно закрыто за давностью и невыясненным виновником.

Следующим номером шел авторитетный Володя Жабенков по прозвищу Жаба Клава. Которого привлекли четыре квартиры в центре города у сухой восьмидесятилетней старушки. В системе ценностей Жаба Клавы четыре квартиры в центре были высшей степенью несправедливости и непременно должны были быть отняты и проданы. Старательно обставляющий дела, тот прибыл с карманным нотариусом. Суетливым юношей с прорехами в потной шевелюре.

Переговоры не заладились, и дело стало колом на несколько недель. Он приезжал, угощался домашним вином, которое лукавая старуха готовила из забродившего вишневого варенья, водопроводной воды и водки, мучился животом, но ничего не мог добиться. На все мольбы и уговоры Алла Матвеевна обещала подумать об этом завтра. Подумать об этом завтра – было чем-то смутно знакомым. Володя зверел, плакал, умолял, но это завтра для него никак не наступало.

– Старая падла, – возмущался Володя паркуясь у знакомого переулочка, к горлу подступала тошнота, а желудок недовольно сжимался.

Решив, наконец, поставить последнюю точку в старушачьей проблеме Жаба Клава, прибыл с собственным инструментом, решавшим все сложные вопросы на свете: молотком, мотком бельевой веревки и стартовым пистолетом, переделанным под боевые патроны. Войдя в квартиру, он неосторожно выпил предложенное вино, в которое хозяйка добавила секретные капельки и тут же безвольно осел на табуретке в кухне. Зрачки его сузились, а черты лица обмякли.

– Что такое, Володенька? – забеспокоилась Алла Матвеевна, – Плохо тебе? Что делать-то хотел?

– Убить тебя, – сказал Володенька и хихикнул. – Квартиры твои переоформить и скинуть по-быстрому.

– Убийиить хотел, – заинтересовано протянула собеседница. – А как?

– Придушить, чтобы ты карга старая документы подписала. А потом в лес вывезти.

– Интересно. А этот-то твой кто? – старушка кивнула на обмершего жабаклавского поделника, заложила ногу за ногу и принялась покачивать на носке домашний тапок. Плевший юноша до этого вопроса, застывший столбом, слабо каркнул и попытался улизнуть из страшной квартиры.

– Стоять, – тихо велела Алла Матвеевна и спросила еще раз. – Ну, так кто он, Володенька?

– Этот? – переспросил собеседник, – так. Шваль. Папуас на прикорме.

Папуас на прикорме обреченно заскулил, но с места не двинулся. Большие серые глаза Аллы Матвеевны оказывали на него магическое воздействие.

– Получается, душегуб ты, Володенька? – улыбнулась собеседница и поправила седой локон, упавший на лицо.

– Получается так, – согласился Жаба Клава, глядя в пол.

– И много людей погубил?

Володенька молчал, бессмысленно вращая глазами.

– Ну, так сколько? – допытывалась старушка.

– Одиннадцать, – скорбно сообщил тот и вздохнул

– Как апостолов. А двенадцатый ты – Искариот. Знаешь, кто такой Искариот?

В ответ Жаба Клава отрицательно мотнул головой. Про апостолов он не знал ровным счетом ничего.

– Ничего не знаешь, а туда же, – вздохнула хозяйка квартир, а потом приказала, – Ну, так, поди, да застрелись. И мальчика своего прихвати. Хорошо?

Ее собеседник кивнул, поднялся с сиденья и, схватив в охапку слабо сопротивляющегося испуганного нотариуса отбыл.

После этих событий проклятый четырехквартирный дом знающие люди стали обходить стороной, пока в начале двухтысячных в район не сунулась группа компаний ГИК с блестящим проектом по сносу всего ветхого и постройке на его месте высоток.

Но и та обломалась. После визита Аллы Матвеевны на Баррикадную в головной офис ГИКа болбочущие на своем невозможном суахили таджики в оранжевых жилетах закопали вырытые под коммуникации траншеи, сняли заборы и растворились. А на доме сорок один появилась табличка «Охраняется государством». От чего государство охраняло Аллу Матвеевну.

евну, было непонятно, но лихие люди навсегда отстали от ее крохотного зеленого закутка. Два соседних уже расселенных дома, попав в кильватер тотального невезения, тоже остались стоять с заколоченными окнами, остановившись где-то между жизнью и смертью.

Олька всех этих слухов не знала, а на чудесную охранную табличку внимания не обращала. Спустившись на первый этаж, она коротко нажала старомодную кнопку дверного звонка, заляпанную краской при последнем ремонте, бывшем то ли в прошлом веке, то ли еще при царе Горохе.

Хозяйка квартиры приняла деньги, а потом аккуратно купюра за купюрой расправила их. Сложила лицевыми сторонами вверх. Заметив надорванный уголок, она расстроено посмотрела на него.

– Примут, как думаешь? – в коридоре плавал плотный аромат валерианы и старческой еды. Густо намешанного слегка пригорелого масла, капусты и жареного. Уютный запах, которому казалось миллион лет, и он был всегда с самого начала времен.

– Конечно, примут, – стараясь говорить твердо, пообещала Ольга и честно взглянула в глаза старушки. Все равно менять деньги было не на что. То, что сейчас держали сухие руки Аллы Матвеевны, было ее последними сбережениями. Собеседница недоверчиво хмыкнула, но деньги в карман халата положила.

– Чай будешь? Омлет есть еще и гренки. Я только завтрак готовила.

Олька бросила взгляд на худое, породистое лицо собеседницы на котором выделялись чуть тронутые помадой губы и кивнула.

– Ну, пошли. – Алла Матвеевна развернулась и неожиданной упругой походкой направилась на кухню. Ольга шлепала за ней рассматривая по пути книжные шкафы от пола до потолка за стеклом которых пыльным золотом светились корешки. Понять названия никак не получалось все они были латинскими буквами. Знания Ольки в этом предмете останавливались ровно на том уровне, чтобы объяснить залетному иностранцу, что он получит, если заплатит. И то это была всего пара слов, в основном числительные, а действия замещались жестами.

Хозяйка положила на тарелку половину чуть теплого омлета, пару гренок и налила чай из старого чайника.

– Ешь, давай.

– Вкусно, – сказала Ольга, набив рот омлетом и подумала, что вчерашний коньяк на пустой желудок был лишним. – Что читаете, Алла Матвеевна? Интересное?

Та встала со стула и взяла раскрытую книгу, лежавшую на подоконнике, посмотрев на обложку, будто видела ее в первый раз. На серой неприметной ткани было выдавлено: «Piege a miel du KGB».

– Это?

– Ага, – кивнула Ольга и запила гренок чаем.

– Да так, про жизнь. Тут есть воспоминания одного моего хорошего знакомого. Вот, смотри, – Алла Матвеевна покопалась в книге и, найдя нужный фрагмент, замолчала на несколько секунд. – Вот. Каждый входит в свой поезд и едет на нем всю жизнь, чтобы в конце выйти там, куда ему не было нужно. Выйти на темном и пустом полустанке.

– Красиво, а как его звали?

– Эрнест Дежан, – хозяйка смотрела в окно, утреннее солнце путалось в ее волосах.

– А где он сейчас? – она положила в рот последний кусок. Ее собеседница пожала плечами.

– Сошел не на той станции, – Ольке показалось, что Алла Матвеевна улыбается. Сошел не на той станции, еще бы понимать, что это значит. Но хозяйка пояснила:

– Отсидел пять лет. Потом не знаю.

– Ой, у меня тоже один друг сел в тюрьму. Ударил одного ножом в драке, – при воспоминании об Олеге Ольга поежилась. Ей даже почудился запах. Запах старого вылизанного «Пас-

сата»: смесь тошнотворной ванили с пылью. Из выхлопной трубы вился сизый дым, говоривший о том, что машина на последнем вздохе, но владелец им отчего-то гордился.

– Бампер тюнингованный, видишь? – объяснял он ничего не понимающей в этом Ольке. – Пацаны с Польши прислали, с разборки. Движок чипирован – сто пятьдесят семь кобыл. На Москву только две таких.

Не так чтобы Олег был сильно агрессивным, но про таких говорят: с болтом в голове. Платил он скупо и мало, а хотел много. Заставляя отрабатывать каждую копейку. Вот к пьяному к нему лучше было не приближаться, что-то замыкало в его мозге, и он превращался в тупого совсем отмороженного садиста. Ольке он поначалу сильно понравился: сильный, уверенный в себе, в шрамах, к которым она с некоторым трепетом прикасалась, но дальше все стало совсем плохо. Однажды она долго залечивала синяки, не отвечала на сообщения, а потом с облегчением узнала про его арест.

– Друг? – Алла Матвеевна обернулась и посмотрела на нее, – так это сейчас называется?

Смотреть приходилось против света, лицо хозяйки скрывалось тенью, обрамленной сиянием солнца в волосах, поэтому догадаться, что она думает, было невозможно.

– Ну, – протянула Олька, – типа того.

Алла Матвеевна коротко хохотнула грудным приятным смехом и повеселела.

– Вот видишь! Поменялись только времена, девочка. Некоторые до сих пор выходят не на своих остановках.

Олька подумала сказать, что Олег точно вышел на своей, но промолчала. Она давно научилась - что бы возражать нужно, разбираться в предмете.

Эрнест Дежан сошел не на той станции, поднимаясь к себе, Олька думала, чтобы это значило, а еще за что этот человек отсидел пять лет. Пырнул кого-то ножом? Толкал наркоту? Надо будет взять эту книгу почитать, хотя как она что-либо поймет? Об этом Олька не думала. Все, что ее интересовало, было несложным: женские романы, инстаграмм, где она с интересом рассматривала незнакомую, красивую жизнь. Словно заглядывала в замочную скважину. Квартиры, машины, отели, еда. Настоящее и свое, не то, что у нее – заемное и чужое. Все у нее было так: чужие постели, чужие удовольствия. Единственно, что было ее - это время, за которое ей платили, но она хотела платить за него сама. Хотела платить за свое время. А для этого нужен был шанс. Один из миллиона.

В рабочем телефоне было два сообщения, обычные не приносящие денег глупости:

«Покорный раб отлижет тебе моя госпожа»

«Ты красивая!»

После второго три дурацких смайлика. Совсем не ее вариант. Она немного помедлила, а потом отправила лизуна и студента в игнор. В очередной раз порадовавшись тому, что кто-то умный изобрел интернет. Упростив донельзя глупые правила. Отделив людей друг от друга. Мух от котлет, чтобы совсем не запутаться.

Она долго стояла под душем, а потом чистила зубы глядя в зеркало в крапинках зубной пасты. Какой она будет через шестьдесят лет? Скорчив лицо, попыталась приделать себе руками морщин. А потом хохотнула, стараясь попасть в тон Аллы Матвеевны, ничего не получилось.

«Каждый смеется по-своему», – подумала Олька, – «и по разным поводам».

Ей пора было собираться. Она накрасится, приоткрыв рот, зажмурив один глаз, глядя в старое зеркало в комнате. Потом не спеша переоденется: трусики, лифчик, белая блузка, юбка и, тут она вздохнула, шпильки. Кто их придумал? Какой-нибудь Олег с болтом в голове. Придурок. Хотя Крис говорила, что девушка на шпильках выглядит сексуальнее. Может и так, но к концу дня ноги будут отваливаться. Олька застегнула юбку и влезла в фальшивый Бланик аккуратно смахнув с лака пыль. До работы надо было успеть купить пару купальников и еще погулять в Зарядье. Купальники два по двадцать пять долларов, а это три шестьсот рублями

и мороженое в парке. Плюс проезд. Остается совсем немного, ну и черт с ним. Мороженого хотелось сильно. Мороженое компенсировало все неудобства. Универсальное болеутоляющее от любого вида боли.

Она вышла из переулочка и, покачивая бедрами, не спеша направилась к метро. От вчерашней московской жары почти ничего не осталось, так, совсем не обжигающее приятное тепло. А вечная пыль временно затаилась прибитая, смытая ливнем. От удовольствия она даже подмигнула гнилому клыкку Москва Сити далеко за крышами домов. Возможно, я еще там буду, мир каждую секунду дарит море шансов. Достаточно их дождаться. Сойти с поезда на своей остановке.

Ольке нравились такие неспешные прогулки. Три квартала в тени старых деревьев. Выглядела она на десять из десяти, и это было приятно. Остановившись на светофоре, она точно знала, что проезжающие водители будут липнуть к ней взглядами. И гадать чем она занимается. Все как всегда. Без изменений.

Ставший на поворот парень на «Мазде» ей улыбнулся, но Олька даже бровью не повела. Все, что она хотела о нем знать, было понятно и так: машина с пробегом в кредит и слишком крупные, чтобы быть настоящими часы. Через полчаса, а может и дольше, он будет сидеть в офисе и впаривать воздух недовольным клиентам. Его будут иметь такие же, как он клерки, которым повезло чуть больше. Совсем чуть-чуть, на маленькую невидимую часть шанса больше. Мелкие начальники. А вечером вернется в съемную на троих квартиру потный и усталый. Выпьет пива и ляжет спать, старательно повесив рубашку на стул, чтобы не помялась. И завтра все повторится. Машина, клиенты, начальство, пиво. Мир по большей части состоял из таких вот неудачников не готовых платить за Олькино время. Внешне аккуратных, но пропитанных нищетой как губки. С беспомощным завтра, в котором не было ровным счетом ничего.

Олька спокойно на него посмотрела, и улыбка погасла. Все было ясно без слов. Загорелся зеленый и она поплыла через дорогу. Гадский Бланик уже начал натирать. Надо было спешить.

У входа в метро как всегда в это время была толпа. Олька вошла в тяжелые, всегда приоткрытые двери и спустилась вниз.

Свет моргнул.

– Следующая станция, – небольшая заминка, будто автомат не знал, что сказать, – Площадь Революции.

Три станции потом длинный переход под поверхностью к торговому центру. Ей нравилось в метро: горьковатая резина, запах проводки, теплого воздуха. Гул поездов и толпа. Спешащие люди. Обмен взглядами на эскалаторе, эти акты пятисекундного секса доставляли ей удовольствие. Десять из десяти, для тех, кто хотел ее получить. Но их желания было мало, Олька предпочитала сама выбирать друзей. Несмотря ни на какие обстоятельства. Маленькая прихоть, единственное, что она могла себе позволить. Но на взгляды все-таки отвечала. Может быть, навстречу ей двигались ее шансы? Как это было определить? Небольшая вечная лотерея выигрыш в которую решал все, а проигрыш ничего не менял.

– Вам нужна «Эмка», а чашка «С», – продавщица скользила по ее фигуре наметанным взглядом, – Вам отдельный нужен?

Олька задумчиво листала развешенные на вешалках купальники. Ей нравился небесно-голубой однотонный, но он был маловат в груди. Проходивший с женой мужчина задумчиво посмотрел на ее декольте.

«Нравится?» – она хихикнула про себя. – «Нет, ты не мой вариант, котик».

Он это и так понял, кисло отвел глаза и обреченно уперся взглядом в зад супруги.

– Раздельный, – сказала Олька. – Вот такой есть с другой чашкой?

С плаката ей улыбалась модель, стоявшая под пальмой на белом песке. Идеальное тело с длинными ногами. В соломенной шляпке и дымчатых «Авиаторах». Рядом слишком близко к берегу была втиснута белая яхта. Оглядев девку с ног до головы, Олька заключила:

«Дура набитая!»

И проиграла, потому что та не ответила, по ее лицу было видно, что она довольна. У нее были деньги, море, песок и чужой купальник. То есть все, что может хотеть девушка. А у Ольки только время.

– Такой модели нет, можно посмотреть на распродаже.

Посмотреть на распродаже было хорошим советом, цены немного кусались, а запаренная от забегов по магазином Олька уже устала. Да и шпильки давали о себе знать, надо было определиться и посидеть где-нибудь с чашкой кофе. Позвонить Кристине, узнать, как дела. Или сэкономить, сразу двинуть в парк и там уже выпить кофе с мороженым.

– Есть такой вашего размера, – продавец старалась не смотреть ей в глаза. Обычный прием. Заговор продавцов, никогда не смотри в глаза клиенту. Отводи взгляд. Иначе проколешься, дашь понять, что хочешь обмануть. Слишком честно смотреть в глаза могут только конченные негодяи. Или сумасшедшие. Первые обманут тебя, не моргнув глазом, вторых тоже стоило опасаться. Никогда не знаешь, что принесет тебе встреча с сумасшедшим.

– А сколько стоит?

Собеседница покопалась в бирках.

– Четыре сто. Но у нас сегодня на них акция, вторая вещь минус тридцать процентов, – она не выдержала и бросила короткий взгляд на Ольку, словно кошка ожидающая мышь.

Минус тридцать процентов, Олька взяла паузу, рассматривая вешалки. Было слышно, как в сумочке зашелестел рабочий телефон. Она не прервалась, черт с ним пока. Если она возьмет второй, то в принципе влезет в бюджет. Покупки ей уже надоели, сильно хотелось присесть и мороженого. Поэтому второй купальник она подобрала не думая, взяла тот, который был на девке с рекламного стенда.

– Вот этот.

– Хорошо, – улыбнулась продавец, и на всякий случай соврала, – у меня такой же уже два года.

В этом Олька сильно сомневалась, потому что на стенде было указана прошлогодняя коллекция, но вслух ничего не сказала. Молча оплатила покупки и вышла из магазина. Девка с плаката улыбалась ей в спину. В мире маленькая ложь наслаивалась на большую, та на огромную. Ольке было наплевать.

3. Добрые дела последних мерзавцев

Обычно Олька выходила на Китай-городе и шла по Варварке мимо церквей вниз к Васильевскому спуску. В принципе можно было повернуть и раньше, но она упрямо придерживалась собственного понятного только ей ритуала. Варварка, мимо церквей, к площади. Церкви она знала наперечет: Георгиевскую, Знаменский собор, Максима и крайнюю Варвары. Серую крышу Английского двора. Шагала по тротуару, рассматривая потемневшее дерево дверных полотен в строгой геометрии металлических стяжек, переплеты узких окон, камни и кирпич стен. При этом она никогда в жизни не бывала внутри, сама не зная почему. Заглядывала в приоткрытые двери на таинственно горящие свечи и проходила мимо. Неспешно двигалась по маршруту думая, сколько таких вот как она Олек, уже прошло. Сотни? Тысячи? И ни одна не зашла в храм.

Она плыла, осторожно переступая шпильками по каменной мостовой прислушиваясь к обрывкам чужой жизни. Люди разговаривали, появляясь в пределах слышимости на пару мгновений и тут же исчезали, чтобы больше не встретится Ольке никогда.

– Да, хер ему скажи. Я уже проект сдал, он все подписал, ничего я править не... – запаренный парень, отрешенно разговаривающий по гарнитуре, чуть не налетел на нее, бросил взгляд и исчез за спиной.

– Если температура будет держаться...

– Сколько? Это дорого...

– Привет, мам! Я сегодня не заеду. Что? Нет, не смогу...

– А я ему такой говорю...

Рядом истошно засигналила машина, кого-то жизнь уже вывела из себя. Ткнула пальцем в самого слабого, того у кого на календаре всегда был понедельник. Кому надо было спешить, иначе он бы не успел никуда.

Было уже три часа и до работы оставалось немного. Нужно было купить мороженого, отыскать свободную лавочку в тени и скинуть на полчаса гадские туфли. Полчаса полнейшего счастья. Никому не нужного времени, которое Олька оплачивала сама.

– Пломбир, Лакомка, Эскимо? – продавщица, утрамбованная в ларек, как черепаха в панцирь вопросительно на нее посмотрела. Ее голову украшали глупые пластиковые светящиеся метелки, создающие иллюзию веселья и радости. Сплошного веселья и радости, под которыми серело потное лицо с мешками под глазами. Усталое лицо с признаками небольшого, уже начавшего отпускать похмелья. Справа свисали разноцветные шары сахарной ваты, затянутые пленкой, слева на горке стояли бутылки с водой, казалось, если она шевельнется, вся эта трехбуква повалится и похоронит ее под завалами. Как она двигалась в этом лабиринте, оставалось загадкой.

– Пломбир, - определилась Олька. – И воды.

– Газ - не газ?

– Простой, - Олька переступила с ноги на ногу, Бланик ощутимо жали.

– Сто четырнадцать, - продавщица исполнила акробатический номер, протянув ей покупки. Гора товара опасно покачнулась.

– Спасибо!

Она приняла холодный стаканчик мороженого, на пластиковой обертке которого расплзлась изморозь, а бутылку положила в бумажный пакет к купальникам. Еще сто метров и она присядет где-нибудь и будет наслаждаться жизнью, скинув шпильки с ног. Мелкие удовольствия, за которые жизнь не просит денег. Слишком мизерные для назначения цены и бесценные, если брать по большому счету.

Золотой свет, свет разбавленного меда плыл по гаревым дорожкам, Олька на мгновение прикрыла глаза. словно моргнула на пару мгновений дольше. Раз - пара секунд в желтых сумерках, пробивающихся сквозь веки, два – шорох листьев, розовый мелкий камень под подошвами. Мамы с колясками. Обрывки разговоров, туристы, снимающие что попало телефонами. Пахло цветами, чем-то сладким, пылью. Город отступил, принялся топтаться на краю, напоминая о себе шорохом шин и гулом двигающихся по Москворецкому мосту автомобилей. Ему не терпелось снова схватить Ольку, затянуть в асфальтовые волны, в терпкую вонь выхлопных газов, беспросветную суету, проблемы. Остановившись там, на границе Зарядья, он шелестел деньгами, требуя ответы на незаданные вопросы, хотел секса, удовольствий и времени. Ее времени. Ей хотелось, не оборачиваясь показать ему средний палец в идеальном маникюре и покачивая туго обтянутыми юбкой бедрами исчезнуть в зелени. Навсегда. Ну, или хотя бы до пяти, потому что в половину шестого ее будет жать Кристина. И друзья. Если она захочет. А она, наверное, захочет - несмотря ни на что, триста долларов даже за вычетом комиссионных Крис это двадцать тысяч. Неплохая сумма за пару часов спектакля под названием женский оргазм. Кем она представится? Раздумывая, она неторопливо шагала по дорожке. Выбор роли был приятным.

Студентка, секретарша, продавщица в бутике, фрилансер – миллионы вариаций. Рыжая девочка с зелеными кошачьими глазами в поисках себя.

Сплошные большие и мелкие удовольствия неожиданно закончились, потому что прямо перед выбранной лавкой у Ольки произошла катастрофа – супинатор на правой туфле разломился, и она чуть не упала, больно ударившись коленом о деревянное сидение. Она ойкнула, скорей от неожиданности, чем от боли. Присела и расстроено принялась изучать обувь.

Подошва лопнула пополам и держалась на тонкой полоске кожи, каблук с площадкой под пятку свернулся на сторону и торчал сейчас свернутой куриной шеей. Это был полный крах, бесповоротный. Коварный Бланик подвел ее в самый неподходящий момент. Что теперь было делать? Ехать через весь город босой? На глаза сами собой навернулись слезы. Босой через весь город.

Черт, черт, черт. Представив, как она это проделает, Олька обиженно поджала губы, а потом, отложив в сторону туфлю, развернула мороженое. Нужно было компенсировать потери сладким и подумать.

– Девушка, почему вы плачете?

Олька вздрогнула. Во-первых, она не видела, как он подошел, во-вторых, не заметила, что плачет по такому пустяковому поводу. Подумаешь, через весь город на метро. Мало ли сумасшедших тут обитает? Каждый второй, и у всякого болт в голове.

– А вам какое дело? – она злилась на себя. За эту минуту глупой беспомощности, за слезы, которые даже не заметила. За красивые лакированные туфли, которые на поверку оказались полным фуфлом. За то, что ей было не плевать, и было жалко себя. Пожалуй, впервые в жизни ей стало жалко себя, жизнь и время, которое она продавала.

– Никакого, – согласился собеседник и присел на лавку. Еще один сумасшедший, которому все было надо. Он даже не рассматривал Ольку, как это обычно делали мужчины. Ни грудь, ни ноги, ни ярко накрашенные губы, тронутые тушью ресницы, ямочку на шее, в которой лежал грошовый кулончик. Вообще ничего. Зато он наклонился и с интересом прочитал затертую надпись на подошве.

– Манола Бланик.

– Маноло, – автоматически поправила она и укусила мороженое, слезы почему-то продолжали наливать в глазах.

– Маноло? – он хохотнул, бросив на нее удивленный взгляд, в выдохе чувствовался алкоголь. Теперь его забота стала понятна. Просто он выпил и теперь клеился к понравившейся девочке.

Она никак не могла его определить. Обычный, короткие волосы с начинавшимися залысинами, серые глаза, синий пиджак с белыми пуговицами. Пиджак был неплох. Хорошо было бы увидеть его часы. Кристина говорила, что человек обычно определяется по часам. Подделки, висящие как камень на руке, носили клерки, перебивающиеся от зарплаты до зарплаты. Огромные, из блестящего цыганского золота – признак полной несостоятельности владельца. Как финансовой, так и умственной.

Часов было не разглядеть. Он повертел в руках сломанную обувь. И обозначил как бы про себя.

– Без вариантов. Сдох ваш Бланик.

Олька пожалала плечами, это она и сама знала. Он поднял взгляд от туфли, резко уперся в ее глаза. Секунду помедлил, принимая решение, а потом извлек из кармана телефон, пожилого пенсионера с отбитым краем экрана и полез в интернет. Странная ситуация начала забавлять Ольку. Стараясь не залезть пальцем в тушь, она вытерла слезы.

– Подождешь минут двадцать? – спокойно перейдя на ты, произнес он.

Серые глаза сузились, он ждал ответа. Олька молча кивнула, мороженое у нее еще было.

– Тридцать шестой же? – он кивнул на туфли.

– Да, – подтвердила Олька, втайне гордившаяся маленькими ступнями.

– Сейчас приду, – поднявшись с лавки, он отошел на десяток шагов, а потом обернулся.

– Только дождись! Я быстро!

Подождешь минут двадцать? А куда было деваться? Он шагал к выходу, словно шел по мягкому матрасу – все ее догадки были верны. Немного выпил и воображает, что убивает драконов и спасает девственниц. Ничего удивительного. Олька отвела глаза и вздохнула. А потом выкинула его из головы, все равно не вернется. Забудет или его примет полиция, такие дела были сплошь и рядом.

Она куснула мороженое и вытянула ноги, заложив одну за другую, любой ситуацией можно наслаждаться. В самом деле: ничего не могло длиться вечно, ни горе, ни радость. Все когда-нибудь должно закончиться. Даже если ты потомственный неудачник и не разгибаешься, существуя в нищете всю свою жизнь, даже если ты он. В любое мгновение все может поменяться. Вот только когда – неизвестно. Нужно уметь ждать.

Проглотив мороженое, она покопалась в сумочке, вспомнив про шелест денег. Ведь кто-то настойчиво писал ей, пока она выбирала купальники.

«Все в силе, персик?»

Ну вот. Теперь будет писать каждый день. У Вагита всегда так. Он сойдет с ума, если она не поедет, и дело вовсе не в большой любви. Дело в билетах. В четырнадцати жалких тысячах рублей, которые тот потеряет. Интересно, что он наплел жене? Наверное, сказал: поеду договариваться о поставках. Или ничего не сказал, своей грузной, тяжело вздыхающей женщине.

Хотя нет, скорей всего что-то солгал, она вообразила их разговор, густой низкий голос с комичным акцентом.

– Куда ты собираешься?

– Надо ехать, Манана. Деньги сами собой не появятся, – и тяжело сопит, словно удерживает на плечах все печали мира. Волосатый атлант с тремя фруктовыми палатками. Каждый раз, отсчитывающий Олькин гонорар с видом мученика, отрывающего от себя самое дорогое – свою веру. Обжигающийся, на ее беззаботной манере скомкать деньги и сунуть в сумочку. Как будто если их смять они потеряют собственную ценность, пропадут, испарятся к черту, превратятся в фантики от конфет. Эта ее безалаберность причиняла ему почти физическую боль. Чтобы как-то облегчить его страдания Олька обычно целовала его в лысину на прощание. Бонусом, совершенно бесплатно.

Деньги сами собой не появятся. Ага, конечно.

«Все в силе, персик?»

Дурацким персиком была она, Олька раздумывала что ответить. Двадцать тысяч сегодня и пятьдесят за отдых. Потное волосатое тело и лысина. Последняя возможность Вагита заняться любовью с молодой девушкой. Показать всем голодным, раздевающим ее взглядами мужчинам, что она только его. Рыжая соблазнительная девочка с глазами кошки. Хоть и на время. На строго определенное оплаченное время.

Все в силе, персик? Что ему ответить? Она рассматривала педикюр, шевелила пальцами ног – идеальный кроваво красный лак, курортное исполнение. На одной чаше весов - две недели у моря с пыхтящим Вагитом и пятьдесят тысяч, на другой – шанс. Который, возможно, случится вот-вот. В следующее мгновение. Что-то ее беспокоило, как кошку перед грозой. Что-то неуловимое, чего она не могла до конца понять. Да хрен с ним, ответит позже.

Сейчас ее волновали другие насущные проблемы. Надо набрать Кристине, пусть привезет что-нибудь из своей обуви. Хотя у той был тридцать девятый. Она в них утонула бы, как ребенок в маминых туфлях. Вторым вариантом было хромать босиком, чего совсем не хотелось. Совсем-совсем. Олька нахмурилась. И принялась набирать сообщение.

«Крис, привет. Застряла в Зарядье. Сломалс...»

– Вот!

Олька вздрогнула, как у него получалось подобраться незаметно? Словно сгущался из воздуха в одно мгновение. Он держал в руках пару розовых вязаных кроссовок с яркими красными шнурками.

– Слушай, тридцать шестой еще надо поискать. Слишком маленький, – он ей подмигнул и ухмыльнулся. Видно было, как алкоголь накрывал его все больше. Лицо вспотело, а глаза блестели. У Ольки даже мелькнула раздраженная мысль: «Вот прилип, блядь», но вслух она ее не высказала.

– А у меня денег нет, – ответила она, предполагая, что будет дальше. Сейчас он начнет клеиться, занесет какую-нибудь пошлость, вроде - отдашь натурой. И получит перцем в лицо. А потом уедет в обезьянник на пару суток, а может и дольше, как повезет. Что взять с пьяного? Нашупав в сумочке перцовый баллончик, она на всякий случай уточнила:

– С собой нет.

На удивление он просто махнул рукой, поставил обувь перед ней и присел рядом.

– Отдашь, когда появятся.

– Странный вы какой-то. Подходите к незнакомой девушке, покупаете обувь просто так, – она посмотрела в его глаза. Жесткие, несмотря на опьянение. Без той обычной алкогольной дымки, фокусировавшиеся в один момент. Странно смотревшиеся на спокойном лице. Взгляд, словно выстрел, точно разговаривая с ней, он параллельно просчитывал варианты, строил планы, что-то прикидывал. Хотя возможно он просто думал о своем.

– Можно на ты, – он улыбнулся и, уловив ее мысли, отрицательно помахал руками, – Ааа! Понимаю. Все не так, как ты думаешь. У меня сегодня хорошая сделка прошла, немного отметили с партнерами. Пару бокалов пива. Просто хочу сделать доброе дело. Ведь никто не запрещает делать добрые дела?

В пару бокалов пива Олька не верила, а все остальное ей неожиданно показалось правдой. Очень странной - но правдой. Все-таки, кто он такой? Может это и был ее шанс, который она так долго ждала? И кроссовки он купил красивые, прямо такие, какие ей понравились.

– Нет, конечно, – согласилась она.

– Глеб, – сказал он.

– Олька, – представилась она, рассматривая обувь

– Рыжая Олька, – определил он и откинулся на спинку лавочки, заложив локти на спинку.

– Там еще носочки, без них неудобно надевать.

Тут она впервые ему улыбнулась, все продумал. Решил проблемы разом. Покопавшись в обуви, она вынула пакет со следками.

– Так, все-таки, доброе дело? – спросила она, надевая носки.

– Ну, да, – безмятежно откликнулся Глеб, по-прежнему безо всякого интереса смотря на нее. Олька даже скосила глаза – грудь была на месте, хорошая такая высокая грудь третьего размера. Чуть тяжеловатая для ее фигуры, но это делало ее еще привлекательней.

– Странно.

– Ничего странного, добрые дела совершают даже последние мерзавцы, – сказал он и вытянул ноги устраиваясь удобнее. – Хотя они так не считают.

– Что не считают?

– Себя мерзавцами. Знаешь, главное отличие мерзавцев от ... – он замялся, пощелкал пальцами, но так и не смог подобрать определение. Олька ему помогла.

– От других?

– Да, от других. Главное их отличие, что они никогда не признаются, что являются мерзавцами. Ни один. Плетут что-то, типа они... эти вот... другие. Оправдываются за себя. Мерзавцы всегда врут, но с ними приходится иметь дела.

– А ты? – глупо спросила Олька, тут же сообразив, что ляпнула лишнее.

– Я? – он искренне расхохотался и прищурил глаза. – Смотри, с какой стороны посмотреть. Никогда об этом не задумывался. Но доброе дело же сделал?

– Сделал, – согласилась она завожившись с шнуровкой. Размер был ее, хотя розовый цвет не подходил к черной юбке с белой блузкой. Ну и фиг с ним. Кроссовки ей нравились. Прямо очень. Красные шнурки, она прищурилась от удовольствия. Красивые вещи Ольку радовали всегда.

– А ты где работаешь, Олька?

Она немного помедлила, раздумывая – что ему сказать? В голове проносились тысячи вариантов, естественно ни один из них не был правдой. Ей не хотелось быть пойманной на лжи, пусть даже и такой пустяковой. Так и не определившись с самой удобной ролью, она ответила расплывчато.

– Да, так, в офисе. Куда пошлют.

– Прекрасное занятие, – одобрил он и мечтательно проговорил за ней, – куда пошлют. Самый важный человек, получается.

– Ага, – сказала она, вздохнула и посмотрела на противоположный берег Москвы-реки. Солнце уже готовилось к вечеру, медленно оседая за дома. Дрожало над горизонтом, всем своим видом показывая, как устало за день.

– Удобно? – спросил Глеб и кивнул на кроссовки, – а то я наспех выбирал, не было времени особо, взял те, что подошли по размеру.

– Не то слово, спасибо! – ответила Олька, думая, что нифига не наспех, раз подумал о следках. И вообще он странный. Совсем странный. Как себя с ним вести было загадкой. Ей стало неудобно.

– Пожалуйста, – он помолчал, а потом неожиданно произнес, – Ладно, мне пора.

– А деньги? Как тебе их вернуть?

– Давай свой номер, созвонимся, как тебе будет удобно.

– Ой, а я телефон посеяла сегодня. Новый еще не купила, – соврала Олька и отрепетированным много раз движением откинула рыжую прядь со лба. Такой прием обычно срабатывал, она это знала. Еще можно было поморгать глазами, как бы в замешательстве. Изобразить дурочку. Он повернул к ней голову и опять полоснул глазами, выражение на его лице не изменилось. Молча полез во внутренний карман пиджака, помедлил, но потом почему-то вынул руку и запустил в боковой. Достал сигаретную пачку и оторвал клапан.

– Есть чем писать?

Ручка у Ольки была, он старательно вывел десять цифр и приписал: «Глеб»

– Позвонишь, когда сможешь?

– Конечно, – соврала она еще раз. Как его определить? Нищета на мнении, мелкий надуватель щек или шанс? Который должен все поменять в ее жизни, сломать все, что у нее было, а взамен подарить счастье. Ничего было не понять. Глеб поднялся, ему пора было уходить.

– А который час? – с надеждой спросила Олька.

– Блин, часов нет, – немного растеряно признался он, – Не ношу, мешают. Около пяти, наверное. А! Подожди.

Он вынул телефон

– Шестнадцать сорок семь

Шестнадцать сорок семь, еще десять минут и ей тоже было пора уходить. И часов у него не было, она смотрела, как он шел к выходу. Смотрела, пока он не исчез за зеленью, облитой тенями. Она посидела еще десять минут, рассеяно разглядывая прогуливающихся людей. Всех вперемешку: мамаш с колясками, командировочных, безошибочно определяющихся по раздутым планшеткам с вещами и документами, клерков, только выскочивших из офисов, спешащих куда-то, будто заводные игрушки, завод которых еще не иссяк. Смотрела на мосты, на реку, на город, по-прежнему топтавшийся за границами парка. Бессмысленную суету, в которой не было абсолютно ничего ценного для нее.

4. Вечер трудного дня

– Малой двойку по биологии притащил, – затянувшись, Кристина выпустила серый дым.
– Надо идти учить уроки, а то на второй год останется. Мой, мудака, нажрался опять и завалился спать, на ребенка ему плевать. Вот что с ним сделать?

– Выгнать нахер, Крис, – сделав глоток кофе Олька отставила чашку. В ее сумочке лежали смятые двадцать пять тысяч. Пять она получила бонусом за домашнюю заготовку про больного отца. Припомнив обычные для случайных друзей разговоры, она хихикнула про себя. Все было как всегда. По одному и тому же сценарию.

– Ты кончила?

– Конечно, сладкий, – ложь была одним из обязательных условий оплаченного времени. Таким же товаром для тех, кто хочет ее слышать. Удивительно, но ее еще можно было продать, по цене пять тысяч за больного отца, двадцать за оргазм. Вот правда никогда ничего не стоила. Потому что была никому не нужна – мелкая разменная монета, сдача со стоимости вранья.

Друзей Кристина нашла неплохих. Щедрых и веселых. Сумевших договориться с охраной «Файф сизонс», что само по себе было невероятным. Те даже бровью не повели, когда они всей компанией поднимались в номера. Так и стояли истуканами, потя в обязательных темных пиджаках. Крис даже пристала к одному, требуя ей прикурить.

– Молодой человек, угостите огоньком! – услышав в ответ раздраженное шипение, она громко расхохоталась.

Пока она сама развлекалась в соседнем номере с двумя, Олька была с третьим. Самым молодым. С обручальным кольцом на безымянном пальце. Худощавым и безликим. Еще одним неуверенным в себе бедолагой, который ей не запомнился. Он много рассказывал о себе: деньги, должность, машина, жена - дочь мэра, бизнес. Чужие деньги, будто это что-то означало. Что-то очень серьезное. Олька все пропустила мимо ушей. Абсолютно все. Он тоже продавал свое время, но дороже и оптом и был абсолютно неинтересен. Хорошо обеспеченное тестем пустое место.

– Слушай, я тут буду через пару месяцев, может, созвонимся? – поглаживая ее грудь, предложил он. Прикосновения были приятны, Олька прикрыла глаза и мечтательно улыбнулась.

– Конечно, милый, – его визитку она выкинула в урну у входа.

Они с Кристиной отработали полную программу: ужин, виски, номер, громкие оргазмы, пошлые разговоры за жизнь: зачем ты этим занимаешься, ведь с твоими данными все могло бы быть по-другому. Как по-другому? Предложение давно обогнало спрос. Бесповоротно изменив все. Любовь, ложь, красота – вдруг резко упали в цене. Инди перестало быть доходным занятием, им занимались все кому не лень, продавая время и ложь за копейки. А то, что случайные друзья потратили на них такие деньги, было скорее исключением, чем правилом.

По дороге домой они забрели в пустую кафешку, выпить кофе и поболтать. Багровая темень лилась с неба на улицы разрываема упорным светом городского освещения. Кофе был горьким. Они были одни.

– Выгонишь его, ага, – пьяно хохотнула Кристина. – Синяк, сука, но свой. Если бы не пил. Вот что ему надо еще?

Если бы не пил, в ее голосе прорезалась тоска, затянувшись раздражающим кислым ментоловым дымом, она продолжила.

– Дура ты, Олька. Ребенку семья нужна. Когда родишь своего, тогда и будешь выгонять нахер. Хоть каждый день. Все равно это когда-нибудь закончится.

– Что все?

– Друзья, работа. Выйдем в тираж, а что дальше? Ты думала, что дальше? Вот реально, думала?

Она серьезно посмотрела на Ольку, совсем неожиданные для отчаянной Кристины мысли наложили на лицо тени. В уголках глаз пролегли усталые морщинки. Когда-нибудь это все закончится. Чувствуя, как ее мягко обволакивает выпитый недавно виски, Олька хлебнула кофе и глянула на сонную улицу. Внизу живота разливалась тянущая сладкая боль. Ей хотелось. Сильно хотелось. Одна из проклятых обязательных издержек профессии. Когда хочется мужчину, но вокруг только друзья.

Ты кончила?

Она вздохнула, нет, не кончила.

– Девочки скучаете? Может по винцу? – молодой лопухий бармен, нарисовался перед столиком. – Я угощаю.

По причине позднего времени, персонал уже разошелся, и он был тем самым несчастным, которому было поручено закрыть заведение после ухода гостей. Одним из той категории вечно помыкаемых и молодых, всегда назначаемых на неприятные или утомительные работы. В руке бармен держал самую дешевую бутылку вина, которую мог безболезненно и незаметно для начальства списать. Три бокала стеклянным веером были зажаты в другой. Олька посмотрела на него и промолчала. Сузила кошачьи глаза и приподняла уголки губ в улыбке. Стекло отсвечивало желтым светом ламп.

– Вот только тебя нам не хватало, милый, для полного счастья. Сидели и думали, когда же ты подойдешь, – аккуратно стряхнув пепел на пол веранды, произнесла Кристина. – Тебя как звать?

– Артем, – он поставил бутылку на стол, грустно проводил взглядом серые крупинки и присел к ним. Убирался в кафешке тоже он.

– Ты откуда?

– С Выхино, – откупорив бутылку, бармен разлил вино, – А вы?

– А как ты в эту пердь добираться ночью? – не ответив на вопрос, протянула Кристина, приняв бокал. – Поезда хоть ходят туда?

– Друг сейчас заедет, он на машине, – он натянуто улыбнулся. – За встречу?

– Давай, – Кристина немного наклонилась и оттянула двумя пальчиками бейдж на его рубашке, – Артем Коновалов.

– Ага. А вас как зовут, девчонки? – поинтересовался он и сделал глоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.